

A composite image where the face of a woman is superimposed over a night scene of an industrial factory. The woman's eyes are large and detailed, with long, dark eyelashes. The factory below has several tall chimneys, some of which are emitting thick plumes of dark smoke that rise into the sky. The factory's lights are visible, creating a warm glow against the dark night. The overall mood is somber and evocative, suggesting a connection between human emotion and industrial activity.

Галина Буркова

ЗЕМФИРА и др.

УДК 82-32
ББК 84(2)6
Б-912

Буркова Г. П. Земфира и др. — Верхний Тагил: Уральское
Провинциальное издательство (ИП Чумаков С. В.), 2020.

Знак информационной продукции 16+

Подготовлено на основе оригинал-макета печатного издания
Ознакомительный файл

UUID: d802be6d-08ee-42bc-ae8d-bdde3299e70b

Главными персонажами произведений являются женщины, от их лица ведётся повествование, их глазами читатель видит окружающий мир.

Всех героинь – от девочки-подростка до пенсионерки – роднит то, что они испытали настоящую любовь. Им повезло в жизни, как везёт немногим из людей, им повезло пригубить этот волшебный напиток, который делает привычный чёрно-белый мир вокруг влюблённого цветным, сияющим и чудесным, но навсегда оставляет неизлечимый ожог в душе человека.

Редактор: Чумаков С. В.

Подготовка электронного издания: Чумаков С. В.

Все права защищены. Предназначено для использования только в личных целях. Копирование, распространение и коммерческое использование запрещены.

© Буркова Г. П., 2020

© Оформление. ИП Чумаков С. В., 2020

© Электронное издание. ИП Чумаков С. В., 2020

ИП Чумаков Сергей Викторович, Свердловская область, г. Верхний Тагил

e-mail: uralizdat@bk.ru сайт: <http://uralizdat.ru>

группа в соцсетях: <https://www.facebook.com/groups/uralizdat>

Галина Буркова

ЗЕМФИРА И ДР.

Истории о любви и не только...

УРАЛЬСКОЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Верхний Тагил
2020

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Хорошо под дождём тому...	4
Часть 1. Наталья Андреевна	4
Часть 2. Хорошо под дождём тому, кто имеет зонтик	8
Часть 3. Ксения	28
Часть 4. Вместо эпилога	35
Почти крошечка-хаврошечка	38
Глава 1. Подруга	38
Глава 2. Собака	43
Глава 3. Доченька	46
Глава 4. Тринадцать лет спустя	47
Эпилог	56
Жертвы рекламы	57
Пролог	57
Часть 1. Хождение в менеджеры	59
Глава 2. Жертвы рекламы	71
Эпилог	102
Земфира и др.	104
Часть 1. Лерка	104
Часть 2. Максим	132
Там, где мама молодая...	142
Чудесная собака	156
Правая рука	166
Ворона-пенсионерка	171
Несколько слов о крепдешинговом платье и зубном порошке	177
Мой дом – мой мир – мой язык	184
Немного о себе	188

ОТ АВТОРА

События, описанные в моих повестях и рассказах, происходят в основном в 70-90-е годы прошлого века в провинциальном городе. Главными персонажами являются женщины, от их лица ведётся повествование, их глазами читатель видит окружающий мир. Моих героинь вы не встретите в дорогих бутиках, за рулём иномарок, на модных тусовках и т. д. и т. п. Они совсем из другого мира, где люди рождаются в хрущёвках и проживают в них всю свою жизнь, ходят за хлебом и кефиром в привычный магазин за углом, до работы добираются пешком или на общественном транспорте. У них разные характеры и разные судьбы. Но всех героинь от девочки-подростка Лерки («Земфира и др.») до пенсионерки Натальи Андреевны («Хорошо под дождём тому...») роднит то, что они испытали настоящую любовь.

Им повезло в жизни, как везёт немногим из людей, им повезло пригубить этот волшебный напиток, который делает привычный чёрно-белый мир вокруг влюблённого цветным, сияющим и чудесным, но навсегда оставляет неизлечимый ожог в душе человека.

Галина Буркова

Хорошо под дождём тому...

История любви

Часть 1. Наталья Андреевна

Она умерла неожиданно для всех. Но не для себя самой. Как бы предвидя скорый уход, она торопилась всё переделать и оставить после себя полный порядок. За последние месяцы всё перемыла, перестирала на мужа и детей, обошла всех родственников и подруг. Она почти всё успела, только не дочистила картошку к обеду. Так и лежала с грязными от картофельных очистков руками на полу в тесной кухоньке, один глаз на её лице был приоткрыт, и поэтому могло показаться, что она продолжает наблюдать за стружкой воды, уже два часа льющейся в переполненную кастрюлю.

Такой и увидел Наталью муж, заскочивший с работы на обед.

Наталье Андреевне было 50 лет. Разрыв сердца.

В гробу её смуглое лицо как-то не по-мёртвому выделялось на подушке.

Её муж, ещё недавно подтянутый военный, весёлый, крепкий мужик, любивший приударить за симпатичными бабёнками, буквально за несколько дней превратившийся в суетливого, растерянного старика с ввалившимся висками и седой головой, принимал многочисленные соболезнования. Шла длинная вереница людей: соседей, учителей и учеников – которые знали и любили Наталью Андреевну.

А муж смотрел на жену, и его раздражала косынка на её голове: его Наташенька (Ташенька, как он называл её) при жизни никогда не носила платков, они ей не шли. Она любила шляпы и выглядела в них королевой. Наталья была красавицей!

Но не наденешь же шляпу на... (даже мысленно он не мог соотнести со своей Ташенькой понятие «труп», «мертвец»).

Весь день около гроба жужжал вентилятор: на улице стояла необычная для уральского июня тридцатиградусная жара.

А Наташа всегда так любила лето! Жадно загорала, и кожа на её ногах золотилась и становилась от выгоревших волосиков пушистой, как у котёнка. Ташенька стеснялась волос на ногах, а он просто балдел от них, озорно приговаривая: «Волосатые ножонки рукам покоя не дают». И вот теперь...

Он ничего не понимал в происходящем вокруг себя. Спасибо, директор Натальиной школы, волевая женщина, помогла и с автобусом, и с венками, и с деньгами, взяв на себя все переговоры с кооперативом «Реквием».

И похоронили Наталью Андреевну, пронеся в последний путь по той же дороге, по которой столько раз за многие годы пробегали её красивые ноги.

Прошло несколько дней. Сыну с дочерью, вызванным с летней сессии на похороны матери, необходимо было вернуться в институт. Денег даже на дорогу не было. И так перезадолжались со всех сторон.

Мужу страшно было открывать шкаф, где жена хранила в шкатулочке свои мизерные сбережения. Но денег взять было больше негде, да и не у кого.

Казалось, вот сейчас Ташенька как всегда выглянет из кухни и воскликнет:

– Опять роешься в моём шкафу!

– Да нет, я только хотел ножницы взять...

Наталья Андреевна бережно хранила здесь всё: и пустые одеколонные коробочки, и заколки для волос (она к их свадьбе за те четыре года, что он молодым лейтенантом за ней ухаживал, отрастила на спор косу-косищу до груди), и старые письма, и записные книжки, и ещё много всяких женских мелочей.

На глаза мужу попался тюбик с её любимой губной помадой, язычок помады совсем стёрся, но Наташа упрямо выковыривала спичкой содержимое. Вертя в руках её губную помаду, он закашлялся от слёз, которые мешали дышать и капали, и капали на старые газетные вырезки. Жена их зачем-то собирала и возила за собой эту кипу из гарнизона в гарнизон. Муж механически скользил глазами по названиям: «Объявляется конкурс... вы сможете выиграть... пишите нам по адресу...».

Ташенька вечно участвовала в каких-то конкурсах, писала по всем этим адресам уйму писем, но никогда не получала ответа и ничего не выигрывала. Глупышка! Кроме этого она ещё сочиняла стихи, очень редко читала их домочадцам. Вот это, например (стихотворение было коротеньким, и мужу запомнилось):

Одна. Одна. Одна.
Быть может, пол помыть?
Как пыль с салфетки,
Стряхиваю скуку.
Чего ж недостаёт?
Протягиваю руку
И завожу часы,
И начинаю жить.

Ну кому это интересно? И почему «одна»? Они с женой всё время были вместе, даже в отпуске.

Муж сейчас вспомнил, что однажды Наталью Андреевну даже пригласили на местное радио выступить со стихами в День Учителя. После передачи дома он с гордостью похлопал жену по хрупкой спине:

– Ну, ты прямо, блин, Твардовский в юбке!

– Скорее, Крупская в брюках, – не отвлекаясь от мытья посуды, тихо ответила Ташенька (со спины в джинсах она походила на подростка, и муж любил приговаривать: «Сзади – пионерка, спереди – пенсионерка»).

– Ты у меня, поди, талант, а я тебя в кухне прячу. Ну, ничего, мать, и это тоже надо. Да-а, не живи, как хочется, а живи, как бог велит...

Под сдвинутыми газетными вырезками муж увидел толстую тетрадь – Ташенькин дневник, куда жена по вечерам что-то записывала. Но муж никогда не совал носа в её дела, да и неинтересно это было ему. Теперь же он невольно потянулся к обложке, открыл её и на первой странице прочитал крупную надпись, сделанную Наташиной рукой: «Хорошо под дождём тому, кто имеет зонтик. (История моей любви)». Взгляд невольно зацепился за первую строчку: «Я убила человека...».

Часть 2. Хорошо под дождём тому, кто имеет зонтик (История моей любви)

Я убила человека. Мужчину. Зарубила топором. Куски трупа запихала в мешок, грубый дерюжный. Но не успела вынести его из общаги до возвращения наших девчонок с занятий в училище и не нашла ничего лучше, как спрятать мешок с трупом под своей кроватью. Мысленно я даже наметила место, куда позже сброшу мёртвое тело: глубокая канава, болотце недалеко за домами, где частенько в кустах «троили» алкаши. Но надо только переждать ночь.

А труп начинает вонять, да и кровь просачивается сквозь дерюгу. Ночью я не сомкнула глаз, а наутро со страхом и подозрением вглядываюсь в лица проснувшихся подружек: не учуяли, не заметили ли чего? Наконец, все девчонки разбежались по своим делам да по урокам.

И тут как назло Светке-удмуртке приспичило мыть пол! Она, оказывается, сегодня дежурная по нашей комнате. И вот Светка развезла мытьё и всё ближе и ближе подвигается с тряпкой к моей кровати! А я специально сижу на постели, опустив ноги на пол, стараясь загородить, прикрыть от Светки страшный мешок. И вдруг наши глаза встретились, и я отчетливо и бесповоротно понимаю, что хитрющая Светка обо всём догадалась, и сейчас она выбежит из комнаты и всем расскажет. Я понимаю, что нельзя дать ей уйти, что нужно её остановить!

Обрывается этот жуткий, мучительный сон! Я просыпаюсь. В той самой общаге нашего театрального училища, на той самой кровати.

Сегодня я уезжаю из этого города, потому что мне физически больно видеть те улицы, по которым мы ходили вместе с Ним, и стены домов, и столик в кафе, и старенький кинотеатр. И весь этот город стал как бы огромной, голой, раскалённой

Конечно, первым узнал об этом Андрей. Он задал мне при встрече всего один вопрос:

– Зачем ты это сделала?

Я уже тридцать лет отвечаю на этот вопрос. Только Андрей меня не слышит.

Прости, моя Любовь! Прощай!...

Уж не осталось
Непропетой ноты.
Лишь нота ДО напомним:
Путь мой краток.
Лишь нота РЕ ударит
Меж лопаток.

– Стерва-а-а!.. Проклятая-а-а стерва-а-а!..

Страшный крик разбудил сына и дочь среди ночи. Вбежав в комнату родителей, они увидели отца, который ползал по полу между клочков бумаги и, продолжая рвать истерзанные листочки, плакал и кричал:

– Будь ты-ы-ы проклята-а-а, стерва-а-а!.. Будь ты-ы проклята-а-а т-а-ам!.. Наталья-а-а, любимая-а-а!.. Ташенька-а-а моя-а-а!..

Часть 3. Ксения

Допечатав повесть, Ксения сладко потянулась и размяла пальцы. Теперь можно и покурить!

Она позволяла себе подхалтуривать на работе, беря заказы со стороны. Вот как этот... А что, деньги не лишние.

Интересно, эта женщина, писательница, про себя написала или...

Ксения её плохо запомнила в тот первый раз, два дня назад, когда та принесла ей печатать несколько листочков.

Смешно, ничего не пригодилось из давних школьных знаний, кроме машинописи, которой и обучали-то шаляй-валяй. А вот, поди ж ты, кусок хлеба на всю жизнь. Ну, может, и не на всю...

Ксения ждала перемен к лучшему.

Её Володька, конечно, не подарок... Пятьдесят лет «с хвостиком»... и с лысинкой. Ну и что? Зато он «шишка» у себя в автосервисе. Правда, женат... А «сделал» ей однокомнатную квартиру. Какой ещё мужик так раскошелится?

Ксения с наслаждением затянулась сигареткой. Эх, завтра суббота! А сегодня после работы за ней Володька подъедет...

Наконец-то пожаловала писательница. Как её там? То ли Серафима, то ли Софья Петровна?..

Софья Павловна придирчиво, будто приносиваясь, сверяла каждую печатную строчку со своей рукописью, надев на острый нос кривоватые очки.

Господи, «писательница»!.. В библиотеке напротив работает. Знаменитость местного разлива.

Ксения как-то видела её под окнами городской администрации на митинге голодающих и бастующих работников культуры и просвещения. Всё в тех же кривых очках, тыча острым зонтиком в молчаливую, понурую группу представителей власти, писательница хрипло клеймила:

Часть 4. Вместо эпилога

В эту ночь и мужу Натальи Андреевны тоже привиделся необычный сон: к нему пришла Ташенька, такая же, как в жизни, загорелая, по-девически стройная (не дашь больше тридцати). Из-под низко надвинутой шляпы стреляла по сторонам своими лукавыми нежно-фиалковыми глазами. Ну ничегошеньки в ней не изменилось, вот зараза! А говорят ещё, могила исправит... Мимоходом она по-хозяйски провела пальцем по полированной стенке шкафа: вытирают ли без неё пыль в доме. И уселась в своё любимое кресло.

– Ну, как там у вас? – спросил муж, как-то робея и не зная, с чего начать разговор.

– Ты это о чём? – удивлённо подняла она острую бровь.

– Как будто не понимаешь. Куда тебя распределили? Я имею в виду, в Рай или в Ад?

– А-а, ты об этом. У нас это называется Свет и Тьма. Но окончательного распределения ещё не было. Каждый ждёт своей очереди и готовится к экзамену.

– К какому экзамену?

– Чтобы пройти во Врата, нужно рассказать свою историю. Историю любви. Только Настоящей Любви.

– Ну и...? – муж постарался как можно безразличнее задать вопрос, будто ответ жены его совершенно не волнует.

– Вот все и готовятся, вспоминают... Это очень сложно.

– Чего же тут сложного? Не высшая математика, чай, не сопромат.

Жена посмотрела на него, и в тени шляпы сквозь сиреневую поволоку её глаз сверкнула насмешка:

– Так ведь у многих ничего нет за душой и рассказывать им нечего. Вот они сразу и проваливаются...

– Куда?

– Во Тьму, дурачок! И сгорают в жутких муках. До нас до-

летают их крики, стоны! Бр-р-р! – жена кокетливо передёрнула хрупкими плечами.

– А сочинить-то что ли нельзя? Подумаешь! Не у каждого же была Любовь.

– Сочинить нельзя. Там никого не обманешь, всё про всех известно.

– А если известно, зачем же этот экзамен, эта пытка. Только здоровье гробить, – возмущённо сказал муж и осёкся, так как упоминание о здоровье в данной ситуации прозвучало не совсем уместно. – Только время отнимать у других, – поправил он.

– Там, – жена указала неопределённым жестом вверх и вдаль, – там торопиться некуда: вечность в запасе. Ты разве забыл?

– А-а, – понимающе покивал муж. – И всё-таки, зачем же рассказывать какие-то истории о Любви?

– Надо же чем-то занять вечность, – улыбнулась ему жена.

– Скучища, наверно?

– Нет, даже интересно. Пока сидишь в очереди, столько всего наслушаешься. Господи, какие романы можно было бы понаписать! – и тут Наталья Андреевна запнулась и помолчала, потому что её взгляд упал на разодранные странички, валявшиеся на полу. Осторожно носком туфельки она распрямила обрывок листочка, что оказался у её ног, а потом равнодушно, как мусор, оттолкнула и продолжила:

– Есть ещё загвоздка. На экзамене перед Вратами помнишь только одну Настоящую Любовь, а всё остальное напрочь забываешь, будто никогда и не было. Чистый лист – и всё. Некоторые юлят, пробуют «слизять» у других, классиков цитируют: Шекспира, Гёте, Пушкина... Я вас любил, дескать... – не проходит. Один даже «Муму» пересказывал...

– А «Муму»-то причём? – удивился муж.

– Тоже про любовь... К собачке... – словно ребёнку, пояснила ему жена. – Не засчитывается. Хотя привязанность

к животному зачастую бывает честнее и бескорыстнее, да и долговечнее, чем к человеку. Странно, правда?

– Ну, и какую же историю приготовила ты? – охрипшим от скрытого волнения голосом спросил муж.

– О тебе, конечно. Я только тебя и любила всю жизнь, – жена потянулась к нему и медленно провела ладонью по его щеке. Он не ощутил её прикосновения, это походило на дуновение тёплого ветра, от которого счастливо замерло его сердце. Но лукавые глаза Ташеньки как всегда не позволяли расслабиться и заставляли держаться настороже, и поэтому муж недоверчиво вглядывался:

– Врёшь, поди? А как же все эти, ну, про которых в твоём дневнике?.. Этот, Андрей, кажется?.. – муж ревниво затаил дыхание.

– Андрей? Какой Андрей? Не помню. Я никого не помню, кроме тебя. При жизни мы, к сожалению, не всегда осознаём, кого действительно любим. Но там (Наталья указала вдаль), там всё становится ясным, будто чудом сохраняется один чёткий кадр на фотоплёнке, когда все остальные засвечены. Понимаешь? – и, помолчав, добавила: Да вот ещё по детям очень скучаю.

– Может, их разбудить? – предложил муж. Наталья Андреевна поспешно ответила:

– Нет, пусть подольше поспят. У них завтра трудный день. Да и у тебя много хлопот. Засиделась я, пожалуй, и мне пора...

И ушла, оставив на кресле свою шляпу.

Муж хотел окликнуть, догнать. Но не успел.

Он проснулся, всё ещё вслушиваясь в тихие уходящие шаги...

Почти Крошечка-Хаврошечка

*Один идёт прямым путём,
Другой идёт по кругу
И ждёт возврата в отчий дом,
Ждёт прежнюю подругу.
А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.*

Анна Ахматова

Глава 1. Подруга

В одном небольшом городке жила довольно молодая женщина (ей не было ещё и 35 лет), звали её Валентина Ивановна Хаврошина. Работала она в местной библиотеке. Все коллеги и начальство очень уважали старшего библиотекаря Валентину Ивановну Хаврошину за аккуратность, эрудицию, принципиальность и потрясающую память: Валентина Ивановна помнила, где именно, на каком месте, на каком стеллаже стоит нужная читателю книга, за что коллеги прозвали её ходячим каталогом. Валентина Ивановна и внешне была похожа на узкий каталожный ящик: всегда в строгом костюме, со строгой причёской вокруг узкого лица, немногословная и не улыбочивая, как манекен или робот, она бесшумно передвигалась между книжными полками, безошибочно и быстро выполняя читательские заказы. Хотя черты её лица были совершенными, но после встречи с ней невозможно было вспомнить это идеальное лицо: в памяти оставалось какое-то бледное пятно в очках. И всё. А жаль... Потому что затемнённые очки скрывали удивительно красивые, умные, глубокие и всегда грустные карие глаза. Такие глаза бывают у лошадей.

Отчего же эти красивые глаза были всегда грустны? Валентина Ивановна (Валюша, как звала её мама) никогда не была замужем, да и не стремилась туда, но очень хотела ребёнка. Эта мечта, ставшая к 35 годам почти несбыточной, терзала душу Валюши нестерпимо прекрасными снами о материнстве, о малыше, который обнимает её шею маленькими ручонками, сладко посапывая носиком-кнопочкой.

Каждый вечер Валентина Ивановна возвращалась в старую однокомнатную квартиру, где совсем недавно жила вместе с мамой, а теперь вот осталась одна.

Угасая от мучительной болезни, мать всё время шептала: «Доченька, как же ты будешь без меня одна?.. Надо было тебе выйти замуж за Димку, он ведь любил тебя, дурочку!..». Валюше не хотелось огорчать мать, пусть та думает, что её дочь кто-то любил. А Димка Круглов просто был соседом по подъезду, и никогда он не был влюблён в Валюшу, а просто частенько забегал к ней занимать денег на пиво и никогда их не возвращал. Только однажды сказал, что принёс долг, порылся у себя в кармане и торжественно вручил Валюше пару чёрных мужских носков, они были новые, ещё с ярлыком, видать, Димка Круглов спёр носки в ближайшем магазине. К удивлению Димки Валюша от подарка отказалась и строго запретила Димке впредь появляться на пороге её квартиры. Вот и вся любовь!..

Но не подумайте, что Валентина Ивановна была таким «синим чулком», сухарём, нет, были, были в юности Валюши и «безумства», как она их в душе называла, правда, совсем маленькие, даже крохотные. Точнее, всего два «безумства», и все два были связаны с Ирккой Максимовой, подругой детства, задушевной подруженькой, которую Валюша обожала, которой безоговорочно покорялась и растворялась целиком в Иркином бесшабашном обаянии. Ирка Максимова с самого детского сада уже была звездой их маленького городка, а в школьном возрасте и вовсе её яркая красота стала просто убийственной

для юных, и даже зрелых, сердец противоположного пола. Ох, сколько же драк и поножовщины случилось в городке из-за Иркиных тёмно-синих озорных очей, да белокурых кудрей, да острых насмешек!

В общем, если бы этот безжалостный тайфун по имени Ирка Максимова не унёсся в одно прекрасное июньское утро в крупный областной центр, где удачно осел в аудиториях театрального училища, то неизвестно, сколько бы ещё израненных мальчишеских судеб осталось кровоточить на малой Иркиной родине.

Но вернёмся к «безумствам», которых было всего два в юности Валюши Хаврошиной.

Первое «безумство»

Первое «безумство» случилось в Новый год, когда в сонный мирок Валюшиной квартирки, как раз посреди телевизионного «Огонька», ворвалась прямо с вокзала оглушительно прекрасная, хохочущая Ирка Максимова с бутылкой вина. Ирка только что приехала на зимние каникулы из своего волшебного театрального далёка. Спротивляться ей было бесполезно. Ирка потащила свою очумевшую от неожиданности подружку гулять по ночному заснеженному городку, взахлёб рассказывая о своих успехах, этюдах, репетициях, многочисленных романах и даже о своём первом аборте. Обо всём этом она поведала легко, в комичных красках. Замёрзнув, подружки укрылись в каком-то подъезде, где у батареи на подоконнике они на двоих распили бутылку дешёвого вина, припасённого Иркой, распили без закуски, без стаканов, «прямо из горла», как говорится. Опьянев, Ирка попросила Валюшу почитать стихи Ахматовой и Цветаевой, которые Валюша знала в огромном количестве, но всегда стеснялась читать вслух, а тут был особый случай, и любимые строки выстраданно затрепетали на её губах. Ирка слушала со

слезами на глазах и покачивала в такт стихам своей кудрявой головой. Вокруг за чужими стенами шумели, пели, плясали, ругались и мирились незнакомые им люди, встречавшие свой очередной Новый год. Какая-то старушка, которой не спалось, высунувшись из-за своей двери, обругала подруг: «И не стыдно шляться по подъездам? Потаскушки чёртовы! Сейчас милицию вызову! Пошли отсюда вон! Бесстыжие!». На что Ирка расхохоталась во весь свой алый рот, полный жемчужных зубов.

Странно, но тот Новый год с бутылкой дешёвого вина в холодном подъезде запомнился Валентине Ивановне как самый счастливый в длинной череде однообразных, безликих праздников в её жизни.

Второе «безумство»

В другой свой приезд Ирка потащила свою тихоню-подругу на дискотеку в горный техникум, главное учебное заведение, через которое проходили почти все юноши их маленького городка, а ведь это всё потенциальные женихи, только успевай – лови! А Ирка очень была обеспокоена будущим своей скромной подруги-умницы и затворницы, у которой никогда не было своего парня, хотя другие, страшенькие и глупенькие, уже давно обзавелись ухажёрами. Такой несправедливости Ирка допустить не могла и решила бороться за личное счастье своей подруги известными ей способами. Победоносно вынув из сумочки свою косметичку, Ирка произнесла: «Сейчас мы будем делать из тебя красотку!». Она буквально силой подкрасила Валюше глаза, хотя та отбивалась, чуть не плача, затем наругала ей щёки, напмадила губы и безжалостно взбила волосы в какую-то кривоватую башню. «Вот теперь ты прямо Софи Лорен!» – с восхищением выдохнула Ирка, поднося зеркало к лицу подруги. Из зеркала на Валюшу таранилась не милая отличница библиотечного техникума, а какая-то незнакомая

разбитная официантка из кафе для дальнобойщиков. Библиотекарша и официантка смотрели друг на друга с ужасом! Но спорить с Ирккой было бесполезно, как бороться с ураганом. И Валюша в таком виде появилась с красавицей подружкой на дискотеке. «Вот позорище-то! – думала Валюша, стараясь понижe наклонить голову, чтобы спрятать лицо. – Да кто же подойдёт знакомиться к такой страхолюдине!». Но, как ни странно, Валюша на той памятной дискотеке имела бешеный успех, она затмила собой даже саму Ирку Максимову! Кавалеры наперебой приглашали Валюшу танцевать и напрашивались проводить её домой. Правда, ни один из них не вызвал её ответного интереса. Поэтому домой Валюша ушла вместе с Ирккой, вернее, они обе сбежали от назойливых парней, и всю дорогу до дому с хохотом обсуждали эту безумную дискотеку, первую и, как оказалось, единственную в жизни Валюши.

А позже, уже в её взрослой жизни, мужчины никогда не обращали внимания на Валентину Ивановну, как будто она жила не рядом в одном с ними городе, на соседней улице, в одном подъезде, а где-то на другой планете. Правда, однажды она ощутила на себе неожиданное мужское внимание. Случилось это во время субботника в библиотеке, когда пришлось всем сотрудницам красить стеллажи и полы после прорыва батарей в читальном зале. В обеденный перерыв уставшие женщины прямо в рабочей одежде забежали в закусочную рядом с библиотекой, там-то Валентина Ивановна, очень стеснявшаяся своего рабочего халатика и шароваров, испачканных краской, и поймала на себе многочисленные заинтересованные взгляды мужчин, собравшихся здесь за пивком, вдали от жён.

Мужчины улыбались ей и даже нахально подмигивали, что привело Валентину Ивановну в ярость и негодование. «Неужели нужно выглядеть бомжихой или доступной женщиной, чтобы вызвать мужской интерес?! А когда скромная, порядочная

женщина цитирует наизусть Пушкина или Шекспира, она для мужчины кажется скучным книжным червём!» – с горечью думала Валентина Ивановна. Конечно, она была несправедлива, мужчины все разные, а она не знала в своей жизни близко ни одного из них. Валентина Ивановна была очень одинока, особенно после смерти матери. Да и единственная подруга юности Ирка Максимова давно перестала бывать в родном городке, завертела её яркая театральная жизнь, уже много лет от неё ни слуху, ни духу, а писем к Валюше Ирка вообще никогда не писала.

Глава 2. Собака

Шло время, шла своим чередом жизнь. Возвращалась как-то Валентина Ивановна вечером после работы домой, накрапывал дождь. Путь к подъезду лежал мимо мусорки. И тут что-то остановило Валентину Ивановну, как будто споткнулась обо что-то. Рядом с мусорным баком кто-то выставил поломанный стул, а на нём сидел небольшой рыжий фокстерьер, одно ухо у него торчало, будто прислушиваясь, а другое грустно повисло; из-под намокшей чёлки на Валентину Ивановну с надеждой смотрели влажные тёмно-карие круглые собачьи глаза. Близорукая Валентина Ивановна без очков издали не сразу поняла, что собака-то не настоящая! Это была мягкая игрушка, очень искусно сделанная из светло-коричневого плюша и золотисто-рыжего меха. Ну совершенно как живая! Да ещё капельки дождя оживляли её глаза-вишни и её влажный чёрный нос! Валентина Ивановна не удержалась и погладила игрушку: «Ну что, рыжик, выбросили тебя? Поиграли, поиграли – и выставили на мусорку. Да... Вот так бывает».

Дождь накрапывал всё настойчивее. Валентина Ивановна побрела дальше к своему дому, но, сделав несколько шагов, вдруг неожиданно для самой себя вернулась и забрала собаку. Дома Валентина Ивановна помыла игрушку и поставила к батарее сушиться.

в комнате и в жизни Валентины Ивановны как всегда. Но так продолжалось недолго.

Через несколько дней жизнь Валентины Ивановны круто и бесповоротно изменилась. Случилось всё в пятницу. Утром, как всегда перед выходом на работу, надев строгий костюм, поправив строгие очки и строгую причёску, Валентина Ивановна отворила дверь своей квартиры и – остолбенела!

Под порогом стояла специальная переносная сумка для малышей, а в ней лежал спящий младенец, в розовом одеяльце и в розовом чепчике!!

Он был прекрасен!!

Когда Валентина Ивановна пришла в себя, то разглядела сверху на одеяльце записку: «Это я, ваша Маша!». Записка была напечатана на машинке. Валентина Ивановна спрятала её в карман и никому никогда не показывала.

Глава 3. Доченька

Мы пропустим подробности долгих мытарств Валентины Ивановны Хаврошиной, которые ей пришлось претерпеть в связи с удочерением малютки: муторные хождения по инстанциям, оформление горы документов, проверки и перепроверки разных комиссий, да ещё ехидные перешёптывания соседей и сослуживцев за спиной (вот, мол, монашкой прикидывалась, а ребёночка-то именно ей не просто так подкинули, в тихом омуте... и т. д. и т. п.). Всё это Валентина Ивановна пережила со стойкостью и смелостью тигрицы, сражающейся за своего детёныша. Ни разу нигде не всплакнула перед холодными рентгеновскими взглядами многочисленных проверяющих. Но по ночам, когда малышку забрали в Дом малютки до выяснения всех обстоятельств, Валентина Ивановна совсем не могла спать, глядя сухими до рези глазами в чёрное окно, она явственно

слышала далёкий тонкий плач своей девочки. И Валентина Ивановна чувствовала, как её грудь, грудь «старой девы», с болью набухает, наполняясь молоком, которое начинает сочиться сквозь ночную рубашку. Одно страстное, почти безумное желание владело женщиной: утолить жажду маленького пищащего, плачущего ротика, зовущего её из этой ночной разделяющей их тьмы. От этих мучений можно было сойти с ума.

Но, слава Богу, все испытания, наконец, закончились. И в квартирке библиотечарши поселилось счастье по имени Ниночка, так назвала приёмную доченьку Валентина Ивановна в память о своей маме, мечтавшей о внучке, да так и не дождавшейся её.

Глава 4. Тринадцать лет спустя

В одно прекрасное сентябрьское утро Валентина Ивановна Хаврошина выехала самым ранним автобусом в областной центр на семинар директоров библиотек. Да, последние 13 лет пронеслись для Валентины Ивановны счастливым вихрем. Глядя на мелькающие за автобусным окном сосны, Валентина Ивановна улыбалась. Потому что в ушах всё ещё звучал озорной голосок дочки, которая прощаясь с ней у двери, вся ещё полусонная и тёплая, шепнула: «Мамочка, возвращайся поскорее, я тебя очень-очень люблю! Ты у меня самая умная и самая красивая, прямо, как кошка Сима». Соседская сиамская кошка Сима была любимицей Ниночки. «Красивая, как кошка Сима», – это был лучший комплимент, который слышала когда-нибудь в своей жизни Валентина Ивановна.

Областной семинар рассчитан был на три дня, впервые Валентина Ивановна оставляла дочь одну на такой долгий срок и очень тревожилась по этому поводу.

Хотя Ниночка уже перешла в седьмой класс, была не по годам серьёзной и самостоятельной, по дому и в кухне управля-

в той записке, которую Валентина Ивановна обнаружила на одеяльце младенца 13 лет назад. В записке, которую она спрятала и никому никогда не показывала и которую позже сожгла.

Нигде и никогда не прозвучало это имя, которое, возможно, трусливо и торопливо накарябала в записке рука горе-матери, бросившей дитя. Поначалу Валентина Ивановна пыталась представить себе эту незнакомую женщину и очень боялась, что биологическая мать вдруг отыщется и отберёт своего ребёнка.

Но время шло, страх притупился, а потом и вовсе забылся. И вот теперь, когда всё хорошо, вдруг ужасная догадка заставила Валентину Ивановну похолодеть.

– Не отдам! Никому не отдам Ниночку! – прошептала она. И на секунду представив своё сокровище, свою нежную, чистую девочку посреди грязной, вонючей квартиры пьяной Ирки Максимовой, Валентина Ивановна содрогнулась от омерзения и ужаса. Захотелось придушить это спившееся никчёмное существо, которое безжалостно нарушило гармонию чужой жизни.

Эпилог

Через год Ирину Максимову, бывшую актрису областного драмтеатра, нашли утонувшей в собственной ванне. Некоторое время в её смерти подозревали сожителя Геннадия Фролова. Но следствие установило, что актриса, находясь одна в квартире, будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, просто уснула во время купания и захлебнулась. Никаких следов насильственной смерти обнаружено не было.

Жертвы рекламы

Пролог

Этот день не задался с самого начала. На рассвете небо, с трудом раздвинув набухшие веки туч, приоткрыло на горизонте длинный ядовито-зелёный глаз с кровавыми прожилками, как у больного, и без интереса и сочувствия посмотрело на людишек, которые под нудным дождём, ёжась на мартовском сквозняке, дожидались трамваев, автобусов, маршруток, чтобы поскорее добраться до работы. Казалось бы, весна как весна и понедельник как понедельник. Но...

В 9 часов 35 минут в отдел продаж рекламного агентства «Самородок» влетела секретарша шефа Лизонька. Обычно неприступная и ухоженная, неторопливо отвечающая на звонки, да и то только после того, как сделает на рабочем месте свой утренний макияж, сейчас Лизонька была не похожа на себя (на ней буквально лица не было: она ещё не успела накраситься), и, захлёбываясь слезами, заикаясь, она выдавила из себя: «Кирилл Владленовича уби-и-и-ли! Кошкина уби-и-и-ли!».

– Как? Когда? Где? Да мы же только что его видели, он приехал, заглянул к нам, поздоровался и проследовал к себе, – закричали наперебой все, кто был в отделе, и бросились к Лизоньке.

– Понесла я как всегда ему кофе, а он, ой, не могу-у-у! – голова на столе, вся в крови! Сами увидите! Ой, не могу-у-у... На документах – кровь, везде – кровь... Пойдёмте скорее! Милицию надо! Я номера не помню... Ой, не могу, девочки!..

Все набились в приёмную и через открытую дверь кабинета пытались разглядеть шефа, чья безжизненная голова действительно лежала на столе на промокших от крови бумагах.

– Не входить, дуры! Никому не входить и ничего не трогать! – раздался властный голос Раи Газлиевой, заместителя шефа. – Быстро вызываем милицию! Лиза, идиотка, звони 01!

Заодно припоминали подобные случаи из городской криминальной хроники.

Только Ирина Сергеевна Прохорова, заместитель начальника отдела размещения рекламы агентства «Самородок», чутко и с замиранием сердца ловя все высказывания коллег, одновременно с отчаянием и надеждой молилась: «Господи, хоть бы никто-ни-кто не вспомнил, что именно я входила сегодня раным-рано к Кириллу Владленовичу Кошкину!».

Часть 1. Хождение в менеджеры

Никогда не думала Ирина Сергеевна Прохорова, проработавшая всю свою сознательную жизнь в школе учителем русского языка и литературы, награждённая за этот общественно полезный труд, кроме вороха всевозможных грамот, ещё и знаком «Почётный работник образования РФ» и званием «Ветеран труда», что после пятидесяти пяти лет она начнёт НОВУЮ ЖИЗНЬ.

Хотя начать эту самую НОВУЮ ЖИЗНЬ ей очень хотелось: последние несколько лет Ирина Сергеевна чувствовала непроходящую тоску и усталость даже от одного вида облезлого здания школы, куда она входила чуть ли не каждый день, от длинных коридоров, по которым на переменах с дикими воплями носились ученики (да и что ещё было делать здоровой, подвижной, активной толпе детей в течение 10 минут в голом, узком, полутёмном проходе, где не за что зацепиться глазу и мысли?). Ирина Сергеевна осознавала, что в своей профессии сделала уже всё, что могла, и не хотела становиться посмешищем для старшеклассников, которые во время объяснения нового материала с презрением разглядывали её старые туфли и посылали друг другу эсэмэски («Смотрела вчера ДОМ-2?» – «Не, а чё?» – «Прикинь, Алёна трахалась со Стёпой» – «Прикольно!» – «Стрёмно, ващце...»), и это в тот самый момент, когда у доски

Ирина Сергеевна с жаром и со слезой читала: «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

Действительно, «стрёмно» как-то...

Конечно, Ирине Сергеевне было страшно думать о долгожданном освобождении от школы, она обострённо приглядывалась к пожилым людям своего круга, примеряя на себя их ситуации, разнообразные варианты выживания на мизерную пенсию:

– сдавать жильё она не могла, так как вся её семья из трёх человек (она с мужем и взрослая дочь) ютилась в двухкомнатной квартирке, где просторно было только общему любимцу – коту Самсону;

– уйти с головой в садово-огородные заготовки Ирина Сергеевна не хотела, как-то уж это совсем по-стариковски, а она была женщина моложавая, спортивная, даже авантюрная, и втайне мечтала когда-нибудь накопить денег и съездить в Париж (он ей снился с юности, да так, наверно, и останется только в снах);

– попроситься в библиотеку, где она давным-давно, ещё до школы, работала? Там своих пенсионеров некуда рассовывать;

– модно сейчас стало идти гувернантками или репетиторами в богатые семьи, но на всех нищих учителей не напасёшься отпрысков олигархов;

– оставались ещё смотрительницы в музеях, почтальоны, уборщицы, гардеробщицы, кондукторы и т. п., но когда у тебя училась почти четверть маленького городка, то просто невозможно остаться незамеченной в этих непрестижных ролях, не хотелось подавать повод для злорадства, хотя никаким трудом Ирина Сергеевна не брезговала, кем только не пришлось поработать ей в молодости...

Оставалась ещё надежда на чудо, например, выиграть миллион в какой-нибудь телевикторине, но Ирина Сергеевна в чудеса верила всё меньше и меньше, хотя надеяться на чудо не переставала никогда.

заплатив ни копейки за рекламу, что в свою очередь уберегло Ирину Сергеевну от позора и увольнения.

Но Ирина Сергеевна после того случая поклялась смыть пятно своего проступка самоотверженным трудом на благо КОМПАНИИ. И действительно, работала она отныне, не выходя на обеды, отгулы и больничные, оставаясь сверхурочно и не требуя никаких премий за переработку.

Глава 2. Жертвы рекламы

Но всему когда-нибудь приходит конец. Пришёл конец и небывалой жаре. А вместе с ней истёк для Ирины Сергеевны испытательный срок, теперь она считалась полноправным членом славного коллектива рекламщиков. На смену климатическим аномалиям пришли бури иного рода.

Маленькое агентство стали сотрясать большие скандалы.

Предвестником первой грозы стало резюме Раи Газлиевой: «Хреново сработали в этом месяце! Что мы скажем Москве? Не добрали 200 тысяч до плана! Всем вам без исключения срежем премию!».

Из чего Ирина Сергеевна узнала, что у «Самородка» есть высокое московское начальство (повыше Газлиевой и Кошкина), Москва спускает их агентству некий план, что план – дело серьёзное, а невыполнение плана – дело опасное.

Она почувствовала это вскоре собственной шкурой, вернее, кожей своего кошелька, который наполовину похудел.

Но особенно остро ощутил грозу человек, в которого ударила пущенная Раиной рукой молния – это была Цветова Валя, замначальника отдела размещения.

Цветова Валя обычно тихо сидела на всех оперативках, а тут чёрт её дёрнул высунуться и ляпнуть, что, дескать, причина невыполнения плана в том, что некоторые агенты размещали рекламы на большие суммы, а денег их заказчики вовремя не проплачивают, причём, такая порочная система существует

– Доченька, да всё поправимо в этой жизни, родная моя, поплачь, не держи всё в себе! – взahlёб говорила Ирина Сергеевна. – Ни один мужчина не стоит наших слёз, господи. Я ведь тоже безумно любила. Да, да! Даже из окна хотела выброситься, когда он уехал. А теперь даже имени его не помню. Правда! Представляешь, как смешно было бы, если б я из окна..? А он живёт себе где-нибудь сейчас, пузатый, лысый, наверное, пиво пьёт по вечерам, у телека дремлет, с женой из-за зарплаты ссорится. А я бы из-за него тогда умерла, представляешь?

Но дочь не откликнулась, а всё так же омертвело смотрела перед собой, только губы её дёргались, выдавая волнение.

– Мама, у меня от Кирилла будет ребёнок. Уже девять недель. Я сегодня была у врача, – наконец выдавила из себя Сашенька и взглянула на мать своими глазницами, в синеве которых смешались и слёзы, и отчаянье, и сумасшедшая радость.

Эпилог

Два месяца в маленьком провинциальном городке велось следствие по шумному делу об убийстве генерального директора рекламного агентства «Самородок» Кирилла Владленовича Кошкина, которого нашли с проломленным черепом 25 марта в 9 часов 35 минут утра в его служебном кабинете.

Версий у милиции было несколько. Во-первых, заказное покушение конкурентов по бизнесу. Во-вторых, конфликт Кошкина с коммерческим директором агентства Газлиевой Р. Г., обострившийся после аудиторской проверки, вскрывшей многочисленные нарушения. В-третьих, проблемы в личной жизни гендиректора, вздорный характер его ревнивой жены, чьи публичные экстравагантные выходки давно будоражили воображение местных кумушек. Многие помнили, как однажды на банкете Ксения Фёдоровна Кошкина вырезала огромный кусок меха в форме сердца на дорогущей шубе своей соперницы, прямо пониже спины, только за то, что легкомысленная жен-

щина неосторожно пококетничала с Кириллом Владленовичем. Сплетники считали месть обманутой супруги небезосновательной, ведь в маленьком городке, как в деревне, все друг у друга на виду, и шила хоть в шубе, хоть в мешке не утаишь.

Но ни одна из вышеперечисленных версий не подтвердилась.

Суд признал в конце концов, что смерть Кошкина К. В. наступила в результате несчастного случая от падения тяжёлой гранитной статуэтки «Воин с мечом» с высокой полки, находившейся прямо над письменным столом потерпевшего, что и привело в свою очередь к перелому основания черепа у Кошкина К. В. и впоследствии к летальному исходу. Статуэтка была найдена рядом с телом Кошкина К. В., на ней не было обнаружено ничьих отпечатков пальцев, кроме следов крови самого потерпевшего.

Возможно, Ирина Сергеевна Прохорова могла бы пролить свет на трагическое событие, случившееся 25 марта, ведь она, кажется, была последней, кто видел Кирилла Владленовича живым. Но никогда и никому она так и не открыла своей тайны. А может, это и к лучшему. Тем более, что Ирина Сергеевна давно уже не работает в «Самородке», всё её свободное время посвящено маленькому синеглазому внуку.

Да и «Самородок» теперь не тот, ох, не тот. Не видно в офисе колоритной фигуры Элеоноры Юрьевны Козыревой и не слышно её громогласных тирад. Она ушла вслед за своей дочерью Раей Газлиевой. Говорят, что они вместе где-то держат автостоянку. Такие бизнес-леди не пропадут!

Место Раи заняла Зинаида Плехотина, ходят слухи, что не без её активного участия московская комиссия вскрыла в своё время многочисленные финансовые нарушения прежнего руководства.

А в кабинете генерального директора царствует Ксения Фёдоровна Кошкина, отчего рекламное агентство теперь в народе прозвали «Кошкин дом».

Земфира и др.

Часть 1. Лерка

Интересно, куда деваются отцы? Те самые отцы, которые делают детей? Куда они пропадают потом? У самой Лерки, как и у многих её ровесников, не было отца. В детсаду Лерка представляла себе что-то похожее на перелётных птиц:

Отцы прилетели, отцы прилетели,
На крыльях весну принесли!..

А потом улетели в тёплые края, как журавли, клином. А впереди самый сильный вожак – Леркин смуглый, горбоносый отец с бессарабской фамилией Чербаджи.

Как она в детстве стеснялась своей необычной фамилии, как хотелось провалиться сквозь землю, когда учителя тупо замолкали, доходя в списке до её фамилии, так как с первого захода не могли выговорить. Только учитель рисования Александр Иванович, хваля Леркины рисунки перед классом, громко и вдохновенно произносил: Чербаджи! И в этом слышалось: магараджи, женщины в парандже, верблюды, бредущие по пустыне, Шехерезада... Смешной был этот Александр Иванович! Иногда на уроке он, завязав себе глаза шарфом и встав спиной к доске, взмахом фокусника рисовал мелом портреты Ленина, Сталина, Брежнева, Ельцина. А иногда (злые языки говорили, что с перепоею) Александр Иванович бывал зол и вспыльчив, никого не хвалил, а задавал всем перерисовывать какую-нибудь нудную многофигурную композицию. Сам же дремал за учительским столом, прикрыв лицо рукой. Но время от времени сквозь пальцы впивался в кого-нибудь почти трезвым, шальным взглядом и взрывывал:

– Не отвлекайся! Я всё вижу!

Когда Александра Ивановича уволили, в школе на одного доброго и интересного человека стало меньше.

Правда, была еще «француженка», прозванная Миледи за свои белокурые волосы. Маленькая женщина с прокуренным голосом и с такой тонкой кожей, что, когда Миледи волновалась или психовала, казалось, под её белой чёлкой вспыхивает красный сигнал светофора. Она проносилась между рядами парт, как маленький электрический разряд, тревожа учеников искрящимся бисером картавых французских слов и неземным запахом своих духов. С тех пор Лерке кажется, что французский язык пахнет теми духами. А Миледи отправили на стажировку аж в самый Париж. И умчала навсегда мушкетёрская кавалькада незабвенную Миледи, и где-то в кружевах Эйфелевой башни затерялся, запутался огонёк её сигареты. Но успела маленькая «француженка» оставить в судьбе Лерки добрый след, так как именно Миледи обнаружила у этой диковатой девчонки какое-то прямо-таки парижское произношение и феноменальную память, благодаря чему и держалась Лерка в элитном лицее, которого в противном случае не видать бы ей как своих ушей, хоть и жила она в доме напротив и каждый день из своего окна видела это привычное трёхэтажное здание.

Но элитной их школа стала не сразу, а когда пришёл сюда директорствовать Ромуальд Венедиктович, прозванный сначала Ромулом, а потом и просто Ромкой за модный хвостик седых волос, за джинсы, за ролики, на которых он лихо подкатывал по утрам к школьным дверям, чем поначалу шокировал техничек и выдавших виды пожилых учительниц. Ромул легко вёл уроки, легко находил общий язык с «трудными» подростками, легко договаривался со спонсорами и так же легко превратил школу имени Николая Островского (помните «Как закалялась сталь»?) в престижный лицей с углублённым изучением французского языка, в котором теперь не было отбоя от «крутых» родителей с их выкормышами, упакованными «от» и «до». «Пропади

и весело глазам! Лерка не знала, как выглядят бриллианты, потому что никогда не видела их до сих пор. Лерке невольно вспомнились кадры дурацких сериалов, над которыми она всегда зло смеялась и которые без продыху смотрела её мать: «Я дарю тебе эту брошь в знак нашей помолвки, Эсмеральда, Ассунта, Эстер, Луиза, Мария... будь моей женой... ты моя... я твой...» И Лерка заснула, зажав в ладошке бабочку, как приручённое чудо, как приручённый праздник или приручённую звезду.

Часть 2. Максим

Как же бриллиантовая брошь попала к Максиму?

А случилось это так. После необъяснимого бегства Лерки из его дома Максим был уверен, что чем-то обидел её: вёл себя как самодовольный дурак, как сопливый буржуй. И Максим решил вымолить прощение, поразить Леркино воображение. Он знал такое средство, против которого, как ему казалось, никто не смог бы устоять, тем более Лерка, его бесстрашный зеленоглазый светлячок.

Макс уже предвкушал, как подкатит к лицу на своем Kawasaki (отец подарил ему на шестнадцатилетие этот знаменитый на весь городок мотоцикл вместе с гаражом, что находится рядом с их дачей). Максим ещё малышом сиживал на кожаном седле этого «японца» и, урча от счастья, дёргал его блестящие рычажки. Конечно, сейчас есть байки и покруче, но не в их городе. Макс думал о мотоцикле как о живом существе, как о друге, называя его в уме «Васькой», так прозвал с детства, потому что тогда не выговаривал иностранное «Kawasaki».

Ну, держись, местный Бродвей, когда промчится по тебе этот двухсоткилограммовый снаряд, заряженный мощностью почти пятидесяти лошадей да страстным желанием скорости!

– Ну, держись, Лерка! Ты ещё не знаешь меня!

Максим уже ощущал на своих плечах её тонкие руки,

чувствовал спиной тепло её худенького тела, прижимающегося к нему на крутом вираже, и улыбался в душе её балдёжным, сумасшедшим зелёным глазам, глядящим на него, на Макса.

– Ух, прокачу!

Вот только в движке «японца» что-то барахлило в последнее время, поэтому машина уже месяц тосковала в гараже за городом. Да и Макс у было не до того. Впервые он пожертвовал «Васькой» ради того, что неожиданно ворвалось в его жизнь.

Теперь же, еле дождавшись субботы, когда рано заканчивались уроки, Максим помчался на дачу, дав себе слово «довести движок до ума», чтобы уже в понедельник привести в исполнение свой план. Хорошо, что октябрь выдался такой необычно тёплым и сухой.

– Что же ты, Васька, не фурычишь? Обиделся на меня, дурачок? – разговаривал с машиной Макс, вдыхая любимый запах железа, кожи, бензина. – Бензопровод вроде в порядке... Может, засорился карбюратор? Это уже сложнее...

Был бы рядом друг Виталик! Вот он во всём соображал, особенно в технике... Сколько они вместе возились с этим мотоциклом! Конечно, и отец бы помог...

Макс принципиально не обращался за помощью к отцу, да и некогда тому сейчас: так «зашился» со своими проблемами, со своими магазинами и автозаправками, что и дома-то почти не бывает.

– Что же, Васька, у тебя болит? Ты уж меня не подводи.

В поисках нужного ключа, чтобы открутить винт на хомуте и подобраться к карбюратору, Макс начал шарить в ящике верстака. Кстати, этот верстак был их с отцом особой гордостью: там по многочисленным ящичкам были разложены и рассортированы все необходимые инструменты (свёрла, плашки, воротки, ключи, напильники и т. д.). Выдвинув нужную секцию и найдя то, что требовалось, Макс попытался задвинуть ящик с ключами обратно, но что-то там, в глубине стола, мешало.

Там, где мама молодая...

(Страницы дневника)

*...Там, где мама молодая
И отец живой...*

Г. Шпаликов

...**28 сентября.** Меня везут в машине военной скорой помощи из гарнизона в роддом. 4 часа утра. Пустые, сырые от дождя улицы. Только в машине я поверила, что еду рожать, до этого слабые схватки казались мне ошибкой, самовнушением, расстройством желудка. Роддом, пустая приёмная, тихие вопросы дежурной сестры. Переодеваюсь в первый в моей жизни тусклый больничный халат, в котором мне предстоит пережить самые страшные и самые счастливые часы в моей жизни. Торопливо прощаюсь с мужем, увозящим мою одежду, как-то испуганно даю себя поцеловать в щеку. Меня переводят на второй этаж. Здесь уже я не принадлежу себе, а полностью принадлежу больнице, поэтому покорно и с любопытством переношу все подготовительные процедуры. Наконец я в предродовой палате. Кроме меня здесь ещё двое: женщина лет 33 и совсем молоденькая девчонка, мускулистая и коротко стриженная, у которой всё никак не начинаются схватки и ей странно смотреть на наши корчи и стоны. Мне ужасно хочется разговаривать с соседками, делиться своими ощущениями, но им не до меня. Пока у меня несильные боли, мне всё вокруг интересно, даже принесённый мужем виноград ем между схватками. Так продолжается до полудня. Осматривавшие меня врачи называли моё состояние хорошим, и я была спокойна. Потом акушерка забеспокоилась, что мои схватки остаются на одной и той же точке, и мне попытались уколами ускорить роды. Вот тут-то и начались настоящие боли, когда отказывает рассудок, и уже просто воешь, плачешь и кричишь. Между схватками куда-то проваливаешься, но боль

снова возвращает тебя в жуткую действительность, и смерти хочется, как избавления. Время подходило уже к 6 часам вечера. Но самое страшное, что в палате я осталась одна. Меня оставили наедине с болью, и я слабела всё больше. Хотелось видеть рядом хоть кого-нибудь. Наконец меня позвали в родовую, куда я с трудом кое-как самостоятельно доползла. (Наш реальный, слишком ненавязчивый больничный сервис очень уж отличается от того, что иногда можно увидеть с телеэкрана.) А всё остальное прошло быстро и почти безболезненно, потому что усилия и потуги заглушают боль. Там, где суетились у моих ног врачи, что-то захлюпало и запищало, я даже не поняла, откуда плач. Это плакал мой ребёнок! Родилась девочка! Она звонко и, как мне показалось, даже мелодично кричала. Её чем-то обтирали, взвешивали, пеленали, потом положили за стеклянную стенку рядом с операционным столом, и мы с дочерью какое-то время разглядывали друг друга. Её личико показалось мне премиленьким: глазки, носик-кнопочка, капризный ротик, откуда, как бы облизываясь, показывался малюсенький язычок. Мне казалось, что дочке мешает свет лампы, что ей мешает слишком тугая пелёнка и что стоящая рядом с ней какая-то медицинская посуда упирается моей малютке в лобик. Но обратиться за помощью или пожаловаться было некому: все врачи куда-то вышли, и мы с дочкой были одни, а я была бессильнее младенца. Мне не с чем сравнить ощущение, с которым я рассматривала свою дочь. Одно знаю точно: не было, нет и не будет в моей жизни мгновения прекраснее, чем это! Для женщины нет часов более полноценной жизни, чем часы появления нового Человека из её освященной кровью, страданием и любовью утробы. Лежал на столе напротив меня человечек, появившийся из меня и благодаря мне и моему мужу, никому ещё незнакомый и никому неведомый. Дарить жизнь – этим окупаются любые боли и страдания! Вот когда я впервые ощутила себя женщиной и впервые пожалела мужчин, потому что им не дано счастье родов.

Чудесная собака

Часть 1

В жизни Марии Сергеевны никогда не происходило чудес. Жизнь её шла себе и шла в строго обозначенных рамках и границах, размеренно ползя каждое утро по трамвайным рельсам, неуклонно привозящим Марию Сергеевну по одному и тому же маршруту из дома на работу в небольшое тагильское рекламное агентство, где Мария Сергеевна исправно печатала объявления в «Бегущую телестроку». А по вечерам Мария Сергеевна так же неуклонно возвращалась в свою маленькую, чистенькую однокомнатную квартирку.

Мария Сергеевна была, как говорится, «женщина в возрасте», недавно ей стукнуло сорок семь, что вовсе её не расстроило, потому что ей нравилось теперешнее спокойное существование; она давно уже махнула рукой на «личную жизнь»; отгорела и отсохла обида на бывшего мужа, с которым уже пятнадцать лет она находилась в разводе, и теперь, вспоминая прежние свои горькие слёзы и даже мысли о самоубийстве, Мария Сергеевна снисходительно улыбалась самой себе и не верила, что когда-то её могли сотрясать подобные переживания.

В настоящем ей вполне хватало ураганных страстей из любимых телесериалов, которые Мария Сергеевна горячо и всерьёз обсуждала с лучшей подругой, громогласной Лорой Фёдоровной, которая и вообще-то всегда со всеми общалась на повышенных тонах, даже в самой нежной и дружеской обстановке, потому что отвыкла от тихого человеческого голоса за тридцать лет на педагогической ниве, а когда же волновалась по поводу разбитого сердца какой-нибудь телегероини, то бывала особенно громоподобна в речах и несдержанна в оценках.

Несмотря на незначительные разногласия, обе подруги после обсуждения киноперипетий любили задушевно испить домашней сливовой настойки, которую неподражаемо готовила Лора Фёдоровна, и закусить пирожком с картошкой, который

всегда удавался Марии Сергеевне, а потом в два голоса затянуть свою любимую: «Снегопад, снегопад, если женщина просит, бабье лето её торопить не спеши...». И никого им в эти минуты не нужно было, никаких таких мужиков. Так и сидели рядком да ладком две подружки: высокая, статная белобрысая Лорка, на крепкой и пышной груди у которой когда-то на спор помещалась и удерживалась без помощи рук пачка ученических тетрадей (в этом и теперь ещё легко убедиться), и прислонившаяся к её плечу чернявенькая, хрупкая, похожая на цыганку Маришка – как будто и не прошло трети века со дня их знакомства. Господи, как быстро промчалась их молодость, словно лопнувший праздничный нарядный шарик, который помотался, помотался на ветру, да так и не улетел в небо за облака!

С годами Мария Сергеевна совершенно свыклась с судьбой одиночки и пришла к выводу, что бывшего мужа своего, вероятно, не любила, и, возможно, даже хорошо, что у них не было детей. Насмотрелась она на этих подросших соседских «бегемотов» братьев Голубевых, которые из тюрем не вылезали, а когда на краткий счастливый миг возвращались домой, то ежевечерне дубасили своих родителей, однажды на лестничной клетке они в пылу сыновней признательности даже вышибли бронированную дверь, преследуя скрывающуюся за ней бедную матушку свою, тишайшую пьяницу Наталью Кузьминичну.

А чем лучше положение Лорки, Лоры Фёдоровны? Всю жизнь в школе да в школе, всю жизнь за постылыми тетрадками. Не заметила, как постарела и мужа похоронила, ученикам-то теперь стала не нужна, а дочка Лидочка где-то на Дальнем Востоке за капитаном, к матери раз в пятилетку прилетает да внука привозит, которого бабушка только по фотографиям-то и знает. Вот тебе и семья, вот тебе и школа...

Когда-то и Мария Сергеевна немного поработала в школе математиком, но у неё обнаружилась болезнь связок, от которой она периодически теряла голос и лечилась целыми месяцами. Безрезультатно. Профессию пришлось оставить, о чём

она никогда не жалела. В рекламном агентстве она значилась видеоинженером, хотя по сути-то была просто менеджером, выпускающим «Бегущую строку» на ТВ.

Часть 2

В один из обычных-преобычных дней в рекламное агентство к столику Марии Сергеевны, вокруг которого всегда толпились посетители, подошла девочка лет двенадцати. Она подала объявление о пропаже несколько дней назад своей собаки – немецкой овчарки. Девочка была очень взволнована, а уж когда Мария Сергеевна попросила уточнить какие-нибудь особые приметы животного, то у девочки на глаза навернулись слёзы, видимо, речь шла о домашнем любимце, о дорогом существе.

– Что же не уберегли, раз он, этот пёс, вам так дорог? – спросила Мария Сергеевна.

– Да мы его вот с такусенького щеночка растили, – девочка показала на свою ладонь и ещё больше расстроилась. – Правда, теперь он уже здоровенный пёс, у него даже медали есть! Он с нашей бабусей гулял да и сорвался с поводка, убежал за дворовыми собаками. У бабуси ноги больные, где же ей угнаться.

Разговором заинтересовались и другие посетители:

– А вы в каком районе-то живёте? Может, стоило там походить, поискать?

– Потерялся наш Рекс здесь, совсем недалеко, на Пархоменко, – рассказывала девочка. – Мы с подругой уже все дыры облазили за эти несколько дней, объявления расклеивали на подъездах, никто не отозвался.

В конце концов совместно состряпали текст: «В районе улиц Пархоменко и Ломоносова потерялась немецкая овчарка, коричнево-рыжая, лохматая, с чёрным ошейником. Кобель. Нашедшего просим вернуть собаку за вознаграждение. Обращаться по телефону...».

Заплатив за объявление, девочка спросила:

– А часто находятся потерянные животные?

– По-разному бывает, – уклончиво ответила Мария Сергеевна. На её памяти владельцы собак частенько обращались с подобными объявлениями, но чем кончались их поиски, Марии Сергеевне не было известно. Может, кому-то из них и повезло... Но Мария Сергеевна не очень верила в добрых людей, которые будут возиться с чужим голодным псом, ловить его, звонить по указанному телефону и т. д. и т. п.

Чтобы подбодрить девочку, она неожиданно для себя самой сказала:

– Да вот на днях хозяин через нашу «Бегучку» разыскал своего кота, который потерялся аж два года назад! Оказывается, его приютила какая-то сердобольная женщина из соседнего подъезда. Вот ведь как бывает! Жил не тужил себе два года совсем рядом, а люди его искали, переживали... («И зачем я все это вру?» – подумала Мария Сергеевна.)

Но девочка благодарно улыбнулась, видимо, представив, что и в её случае найдётся кто-то сердобольный.

На следующее утро как всегда трамвай доставил Марию Сергеевну к месту работы. Всё было обычно и привычно, во всю стену магазина на улице Пархоменко мотался по ветру огромный плакат, который почти по-отечески укорял и заботливо предлагал горожанам: «Тёще на кухне спать негоже! Купи квартиру – ипотека поможет!». А кого это воззвание почему-то не тронуло, тот же плакат чуть ниже пытался утешить: «Может, не вышел из мужа пилот, зато он кредит возьмёт без хлопот».

Эти замечательные слова Мария Сергеевна машинально пробежала глазами, каждый раз думая: «Хорошо, что после развода у меня осталась квартирка, а то ютилась бы сейчас на чьей-нибудь кухне или и вовсе в кладовке, как мамаша «бегемотов» Голубевых – тишайшая Наталья Кузьминична».

От магазина оставалось пройти до офиса метров триста. Дорога извивалась по двору между жилыми высотками, которые совершенно одинаковы во всех городах России-матушки. Было

Правая рука

Лидия Сергеевна сегодня после уроков особенно спешила. Надо было успеть купить сыну в дорогу чего-нибудь вкусенького: копчёной колбаски, хорошего сыру. Главное, чтобы в тёплом вагоне эта снедь не испортилась. Хоть сын и твердил иронично: «Мама, теперь еду с собой только лохи возят, не гражданская война. Вы ещё яйца варёные положите всем на смех... Есть же вагон-ресторан».

Конечно, мой милый, с ресторанами ты останешься без штанов!

Об этой поездке она беспокоилась уже неделю, с тех пор, как Андрюша сообщил мимоходом о своей командировке в Москву (в Москву!) на курсы повышения квалификации. Еще бы, её мальчик поедет как солидный человек в столицу по делам! Значит, ценят на работе, хоть и молодой, да головастый, в компьютерах «волокет», как орешки щёлкает.

Вот только неприятно: у Лидии Сергеевны как раз сейчас было трудно с деньгами. Зарплату опять задерживали. Но сегодня повезло: она перехватила у подружки 500 рублей, должно на все хватить.

У сына, конечно, были свои деньги, он на днях похвастался новым мобильником. Но неудобно Андрею намекать... Да и в последние дни сын почти не появлялся дома. Может, девушка у него есть? Взрослый, молодой, чего ж вы хотите... Пусть погуляет. Лидию Сергеевну радовало, что у сына много друзей, она и сама когда-то была человеком весёлым и компанейским. Она с любопытством прислушивалась к их молодым спорам, к их песням под гитару, даже полюбила их группу «Чиж и К». За долгое время своего учительства Лидия Сергеевна привыкла прятать свои чувства, считая, что сила педагога в непроницаемой, строгой маске. И постепенно эта маска стала даже не вторым, а первым её лицом. На уроках у неё всегда была идеальная дисциплина, начальство хвалило за высокие показатели

Ворона-пенсионерка

Городская сказка-быль

На остановке трамвая недалеко от рынка в самый обычный день среди ожидающих (а, в основном, это были женщины с сетками, сумками и кошелками, раздутыми от продуктов) прохаживалась крупная ворона. Она что-то поклёвывала на остановочном пятачке, время от времени зорко и строго поглядывая вдаль, и вдруг хрипло и гортанно спросила:

– Женщины, а пятнадцатый тр-р-рамвай тут ходит? Уж сор-р-рок минут жду!

Три тётки на остановке сразу грохнулись в обморок да так и остались лежать, а ещё две – выронили сумки из натруженных рук да так и остались стоять, несмотря на подошедший трамвай. Ворона же, как ни в чём не бывало, прыг, прыг по ступенькам, заскочила в вагон, заняла место да как гаркнет на онемевшую кондукторшу:

– У меня – пенсионный, я ветер-р-ран! – и, действительно, показала неизвестно откуда взявшиеся красные корочки с фотографией. Правда, никто из рядом сидящих не успел толком разглядеть фото. Так все были ошарашены!

– Одни дур-р-раки кр-р-ругом! – хрипло резюмировала Ворона.

С тех пор и пошла молва по городу о говорящей Воронепенсионерке.

Где только её не встречали!

Однажды один подвыпивший гражданин поздно-поздно вечером, почти ночью, подошёл к круглосуточному магазину, а дверь почему-то оказалась запертой. Гражданин тогда взял и постучал в дежурное окошечко, чтобыпустили ему бутылочку холодненького пивка. Вежливо постучал. Молчание. Но свет внутри горит. Он постучал ещё вежливее. И вдруг из окошечка – воронья голова в клетчатом платочке! Да, да, самая

А в микрорайоне при ЖЭУ № 7 как-то постепенно всё наладилось: отремонтировали подъезды и лифты, разбили газоны и клумбы, и зазвенели двory голосами детворы, которую не оторвёшь теперь от новеньких качелей да песочниц. А вокруг небольшого фонтанчика, который вдруг заработал впервые за последние десять лет, на обновлённых резных скамеечках собираются бабушки да дедушки и судачат о какой-то удивительной говорящей вороне. Да и что им ещё делать на старости лет, как не сказки рассказывать?

Несколько слов о крепдешиновом платье и зубном порошке

Это было время крепдешиновых платьев и рукавчиков «фонарик».

Именно в таком платье с аккордеоном на плечах шагала моя совсем молодая золотоволосая мама в центре праздничной толпы. Люди на демонстрации смеялись и пели звонкую: «Нас утро встречает прохладой...» или «Дан приказ: ему – на запад, ей – в другую сторону...», или задушевную: «Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая, заря моя вечерняя, любовь неугасимая...».

Из остатков крепдешина, на котором переглядывались разноцветные анютины глазки, мне тоже сшили маленькое платьице; ткань приятно, как-то «по-дорогому», холодила тело и шелестела при моём движении, как листва на ветру. Я спустилась в новом нарядном платье во двор, держа большой кусок хлеба, намазанный толстым слоем аппетитной творожной массы с изюмом. Уселась на завалинку, и вдруг подошёл огромный петух (многие наши соседи тогда держали кур в сарайчиках перед домом) и клюнул в мой кусок! От неожиданности я выронила хлеб и взвыла так, что мама в один миг сбегала со второго этажа ко мне на помощь.

«Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая, заря моя вечерняя, любовь неугасимая...». Женщины в крепдешиновых платьях действительно напоминали зарю вечернюю, и хотелось подарить им любовь неугасимую... Такую, как любовь моего отца к моей маме.

Отец с сотней таких же, как он, завербованных мальчишек попал на Урал в самые голодные военные годы из бессарабского села, что осталось тихо светиться белоголовой церковкой среди далёких виноградников где-то под Одессой, и угодил парнишка прямоком на тракторный завод.

Сейчас бы этих бессарабских болгар, почти не говоривших

Мой дом — мой мир — мой язык

Моя бессарабская бабушка Анна, маленькая, сухонькая, слепая, лёжа на ветхом топчане в своей каморке, зовёт меня глухим, слабым голосом, смешивая болгарские слова с русскими: «Моя-то мичинце! Моя внученька! Яло тука, яло до мене. Посиди со мной. Аз тебе убичем, аз искам... Я тебя люблю и хочу сказать...», – и, не договорив, она впадает в забытьё.

Мне, юной уралочке, приехавшей на недельку в гости, совсем не хочется сидеть в этой тоскливой полутьме, где пахнет старостью и одиночеством. Я в досадном нетерпении переминаюсь на месте. За воротами ждут горячие болгарские хлопцы на мотоциклах, готовые ради приезжей девчонки перевернуть вверх дном тихую южную деревушку, подняв придорожную пыль аж до самой Одессы.

Через день бабушка Анна умерла. Природа как будто сошла с ума: небывалый для конца августа ураган градом побил виноград; яблоки и абрикосы, срываясь с ветвей, стучались о землю, которая ещё хранила следы бабушкиных ног.

Сад оплакивал бабушку и умирал вместе с ней.

Буря сломала высокую шелковицу, на которую я любила забираться в детстве. А бабушка, стоя под деревом, всегда с испугом умоляла, чтобы я спустилась: «Моя-то мичинце! Яло тука, яло до мене. Аз тебе убичем...». Она, когда тревожилась или сердилась, говорила по-болгарски, а по-русски перед сном рассказывала мне сказки при слабом и таинственном свете керосиновой лампы. Из тёмных углов тогда выходили царевны и королевичи, волшебники и колдуны, а посреди комнаты чернел, как остов змея-горыныча, громоздкий деревянный станок, на котором бабушка ткала половики, разноцветные и полосатые, похожие на меня: полоска бордовая – болгарская кровь, полоска белая – белорусская, небесно-бирюзовая – русская, алая – еврейская, чёрная – цыганская.

Такой же полосато-пестрый и мой язык, вобравший эти разные стихи.

Долгие годы меня преследует повторяющийся сон: я иду по сельской улице, мягкой от пыли, мимо чистой церковки и цветущих акаций, мимо белых домов из ракушечника, иду, чтобы увидеть бабушку и услышать от неё что-то важное, что я недослушала когда-то и чего я так и не узнала за свои шестьдесят лет.

«Не с кем поговорить, меня не понимают», – часто с горечью сетуем мы. А есть ли вообще возможность передать другому свои сокровенные мысли и переживания? Это подвластно великим писателям, поэтам. Но даже и они, великие, иногда в отчаянии восклицали: «Мысль изречённая есть ложь!» Что же тогда остаётся нам, простым смертным? Только молчание, «простое, как мычание»? Мы все, с рождения и до смерти барахтающиеся в океане слов, успеваем испить из него от силы один глоток за всю свою жизнь и умираем, так и не утолив жажды, жажды общения и самовыражения. Сколько раз хотелось поделиться со старым другом, близким человеком тем, что накопилось, болело и жгло, а выползали банальные фразы: «Ну, как жизнь? Дети? Внуки? И у меня тоже ничего, работаю помаленьку. Здоровье пошаливает. За городом на даче отдохну. У меня восемь соток. У тебя ведь тоже фазенда? Может, соберёмся когда-нибудь? Как раньше, помнишь, целыми вечерами говорили, говорили... В общем, звони...».

Где же ты, «роскошь человеческого общения»?

В последнее время мне проще с друзьями вести внутренний диалог, смахивающий на бесконечный монолог.

Слова, слова, слова... В далёком отрочестве мне в руки попала книга Жан-Поля Сартра с одноимённым названием. Это совпало со страстным увлечением французским языком. Белокурая учительница, приехавшая из Ленинграда, очаровала нас, челябинских восьмиклассников, россыпью быстрых картавых фраз и запахом иностранных духов. Мне казалось, что и

библиотечная книга Сартра, и все рассуждения его главного героя источали тот же изысканный аромат. Меня поразила мысль автора о том, что слова вообще призваны, скорее, скрывать суть, чем обнажать её, что под лживой словесной одеждой прячется бездонная, противоречивая, мятущаяся и непознаваемая человеческая душа. И нет возможности приоткрыть для окружающих свой внутренний мир и сблизиться с родственной душой.

«Да вряд ли есть родство души...»

Я тогда, конечно, ничего не знала об экзистенциализме, да и термина такого никто не только в школе, но и во всём нашем рабочем районе, я думаю, не слыхивал. Может, оно и к лучшему: все эти ИЗМЫ, по-моему, довольно зловещи (капитализм, марксизм, ленинизм, сталинизм, идиотизм, индивидуализм, фашизм, терроризм...).

Но зачем же нужен язык, если он не объединяет людей? Если он не даёт ощущения родства душ? Язык моих предков и язык великой русской литературы не даёт отчаяться, дарит силы идти вперёд и не захлебнуться в потоке словесной грязи, где копошатся, грызутся, плюются все эти новомодные слова-уродцы, слова-мутанты. Для меня язык – это не просто словесная шелуха, это плоть и кровь моя, он нужен мне, чтобы сказать о любви, а не о ненависти и отчуждении.

Я очень поздно начала читать Библию, в пятьдесят лет. И вдруг кольнуло в самое сердце что-то знакомое с детства, для кого-то архаично старославянское, а для меня родное, напевное и теплое: «Аз есмь...».

Да, конечно, я помню: «Аз тебе убичем», – вот мы и встретились с тобою, моя бабушка! Я помню те тихие молитвы, которые ты шептала надо мною.

Спасибо бабке-бессарабке, что научила верить в Бога, В той церкви, чистой и печальной, где началась моя дорога. Была дорога моя грешной, извилистою и мятежной,

В пути чудес не обещали, лишь душу, как подошву, рвали.
Теперь прошла я сто печалей, о них не ведаем в начале.
Сквозь пыль нехоженных дорог меня вёл бессарабский Бог.
Да освятит он крест над ней, над бедной бабушкой моей.
Она вращала шар земной своими хрупкими руками.
Четыре брошенных лозы остались в поле сиротами.

Слышишь ли ты меня, бабушка Анна? Я свою дочь назвала твоим именем.

Аз тебе убичем! Я тебя люблю! Помню, верю и люблю!

НЕМНОГО О СЕБЕ

Я, Буркова Галина Павловна, родилась в 1950 году в Челябинске в семье рабочих тракторного завода. Дом, в котором прошло мое детство и пролетела юность, никак не стыковался со счастьем. Комната в коммуналке, где на кухне под переругивание соседней чадили керосинки и где я по просьбе слушателей с выражением декламировала: «Камень – на камень, кирпич – на кирпич, умер наш Ленин Владимир Ильич!». Наша комната, где отец нещадно лупил меня ремнём за любую провинность, так он хотел «сделать из меня человека». Комната, куда из-за бедности и тесноты нельзя было привести подруг и друзей, и поэтому все самые душевные разговоры велись шёпотом в подъезде у батареи, а все игры, знакомства и встречи происходили на улице или на заросшем пустыре за домом.

Спасали меня книги, спасибо маме и учителям, которые открыли мне Великую Литературу. Хотелось убежать подальше от родных стен, которые на меня почти физически давили, от однообразных улиц, от унылых лиц. Дорога звала и манила, а вагонная полка была уютнее домашней постели, незнакомые города очаровывали воображение. Сколько же за мою жизнь было пройдено путей, скольких настоящих друзей мне подарила дорога, замечательных людей и прекрасных городов. Вокруг меня были такие же, как я, поколение, выросшее в коммуналках и воспитанное под девизом: «Наш адрес не дом и не улица, наш адрес – Советский Союз!». Семейные ценности казались нам мелкими, обывательскими, как слоники на комод, а дом представлялся причалом, жизненным тупиком.

В юности перепробовала множество профессий (почтальон, курьер, лаборант в НИИ, контролёр на заводе, библиотекарь, геодезист, руководитель детской театральной студии, актриса драмтеатра), пока не стала учителем русского языка и литературы, закончив с «красным» дипломом Челябинский пединститут в 1977 г. Учительствую до сих пор, проживая в Нижнем Тагиле. Ветеран педагогического труда, Почётный работник образования РФ.

Теперь, по прошествии многих лет, я часто вижу во сне не картины моих чудесных странствий и дружеских посиделок, а ту самую комнату моего детства, «где мама молодая и отец живой». Я заворожённо смотрю, как мама расчёсывает свои длинные золотистые волосы (я слышу их шелест под гребнем), а отец приносит ёлку и устанавливает её между резным буфетом и кроватью, украшенной металлическими шариками, и мы с братом развешиваем ёлочные игрушки, сочиняя про каждую из них разные небылицы, и я испытываю невыносимую радость. И чувство огромной потери. И просыпаюсь со слезами на глазах. Неужели я там была счастлива и не догадывалась об этом?! Что тянет меня в тот старый двор, который казался таким серым когда-то? Сегодня я там не встречу ни одного знакомого лица. И моя семья уже давно не живёт в той коммунальной квартире.

Другие люди пьют там чай,
Едят свой хлеб и о любви мечтают.
Я бабочкой влечу к ним невзначай,
Что мир цветной, пускай они узнают.

Буркова Галина Павловна родилась в 1950 году.

Работала учителем русского языка и литературы в Нижнем Тагиле.
Ветеран педагогического труда, Почетный работник образования РФ.

Финалист фестиваля Российского общества преподавателей русского языка и литературы «Русское слово» 2008, 2010, 2012, 2014 годов.

За участие в фестивале отмечена дипломами и медалью
«За отличное владение русским языком».

Пишет стихи и прозу. В 2002 и 2004 годах произведения автора
были отмечены дипломами I степени литературного конкурса
«Грани таланта», который с 1998 года проводится
в Свердловской области для специалистов системы образования.

Публиковалась в газете «Комсомольская правда»
и в коллективном сборнике «Стихи приходят, как любовь...»
(Екатеринбург, 2000 г.).

Победитель VIII конкурса «Серая Шейка» (2013 г.) в номинации
«Художественные произведения о детях и для детей».

Данная электронная книга подготовлена Уральским
Провинциальным Издательством на основе оригинал-
макета печатного издания.

Уральское Провинциальное Издательство (Урализдат)
осуществляет подготовку и издание книг в печатном виде и
цифровом формате (E-book).

Основная тематика изданий - история и краеведение Урала,
проза и поэзия уральских писателей.

Подробно с деятельностью издательства и продукцией можно
познакомится на [сайте http://uralizdat.ru](http://uralizdat.ru).

Приглашаем на [Facebook](#), [Youtube](#), [Calaméo](#), [Flickr](#) и [Pinterest](#)

Наши книги можно приобрести на [сайте издательства](#) или в
интернет-магазинах:

Контакты: e-mail: uralizdat@gmail.com, uralizdat@bk.ru

тел. +7- 922-221-46-16